

ЖЕНЕВЬЕВА
КИНГСТОН

СУНДУЧОК,
ПОЛНЫЙ
ЛЮБВИ

история
о хрупкости
жизни и силе
бескрайней
любви

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва

БОМБОРА Story

GENEVIEVE
KINGSTON

DID
I EVER
TELL
YOU?

a memoir

MARYSUE
RUCCI
BOOKS

New York London Toronto Sydney New Delhi

ЖЕНЕВЬЕВА
КИНГСТОН

СУНДУЧОК,
ПОЛНЫЙ
ЛЮБВИ

история
о хрупкости
жизни и силе
бескрайней
любви

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Сое)-44
К41

Genevieve Kingston
Did I Ever Tell You?: A Memoir

Copyright © 2024 by Genevieve Kingston

Кингстон, Женевьева.

К41 Сундучок, полный любви : история о хрупкости жизни и силе бескрайней любви / Женевьева Кингстон ; [перевод с английского Э. Мельник]. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-214328-1

Каждый год в свой день рождения Гвенни подходит к большой картонной коробке и ищет там сверток с нужной датой. Эта коробка — ее личный сундучок сокровищ, полный подарков на несколько лет вперед. Эта коробка — все, что ей осталось от мамы, которая заполняла ее подарками в последний год своей жизни. Разворачивая сверток и читая очередное письмо, Гвенни чувствует, что мама рядом. Она всегда незримо присутствует в ее жизни, помогает и поддерживает.

Мемуары Женевьевы Кингстон — трогательная история взросления и свидетельство невероятной силы материнской любви.

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-214328-1

© Мельник Э., перевод на русский язык, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

*Кристине, Питеру и Джейми.
И всем тем, кто помогал нашей семье выживать.*

Когда мне было три года, моя мать узнала, что у нее агрессивная форма рака груди. Каждый день она часами сидела за обеденным столом, стянув темные волосы в хвост, окруженная стопками бумажных листов, покрытых плотными параграфами сухого научного текста. Я наблюдала, подкравшись к кухонному порогу, как она изучала все доступные виды лечения: конвенциональное, альтернативное, молитвенное...

Следующие четыре года мама консультировалась с терапевтами, специалистами, гомеопатами и целителями. Хирург удалил раковую опухоль из ее тела. Она придерживалась строгих диет и глотала горы таблеток, накачивала тело химиотерапией и морковным соком. Она всегда искала способ выжить.

Когда мне было семь, натюрморт на обеденном столе начал меняться. Оберточная бумага и ленты заняли место страниц с выделенными маркером словами, а мамыны руки упорно трудились под низко склоненным темным ежиком ее коротко стриженной головы. Ножницы с хрустом бороздили подарочную обертку. Бумага складывалась под ее пальцами. Лента нужной длины отхватывалась одним щелчком. С тихим скрипом завязывались узлы. *Хруст, сминание, щелчок, скрип.* Мама начала

собирать два сундучка подарков: один для моего старшего брата Джейми, а другой для меня.

Туда укладывались подарки и письма к тем серьезным событийным вехам нашей жизни, которые ей суждено было пропустить: получение водительских лицензий, вручение дипломов, каждый из наших дней рождения вплоть до тридцатилетия. Когда сундучки заполнились доверху, отец отнес их в наши комнаты.

Каждый раз, открывая его, я могла жить в нашей общей реальности, той, которую она вообразила для нас много лет назад. Словно полузабытый аромат или первые ноты знакомой песни — каждый раз крохотный проблеск ее присутствия.

Многие годы после ее смерти розовый картонный сундучок стоял на полу моей детской спальни. Я открывала его крышку, чтобы провести пальцами по рядам аккуратно упакованных свертков, каждый — с подвешенной к нему на тонкой, завивающейся серпантинном ленточке открыткой. Конверты, распухшие от печатных страниц, были четко подписаны красивым маминым почерком — приглашения, завернутые в предостережение: ни один не следовало вскрывать до обозначенного времени. В те времена сундучок был таким тяжелым, что я не могла его поднять.

За последние двадцать лет он пропутешествовал со мной по всему континенту, переезжая из штата в штат, из квартиры в квартиру, неизменно оставаясь первой вещью, для которой я находила место, когда от порога отъезжал грузовик компании-перевозчика. Он жил под кроватями и у задних стенок шкафов; я всегда инстинктивно старалась защитить его. Припрятать. Каждый год этот сундучок становился чуть легче.

Теперь внутри остались только три предмета.

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

То, чего я всегда боялась, случилось вечером в среду. Я смотрела, как Джейми играет в «Варкрафт». Мне нравилось наблюдать, как брат играет в компьютерные игры; так мое присутствие меньше всего его напрягало. Я могла долго быть рядом, смотреть на сосредоточенно наклоненную темноволосую голову, ощущать его концентрацию, подобную лазерному лучу, обонять успокаивающий мальчишеский запах, и он не гнал меня прочь. Он сражался с бандой орков, вооруженных широкими мечами, в то время как корявенько прорисованные цифровые овечки наблюдали за битвой с краев экрана. Джейми веселил меня, кликая по овечке, чтобы заставить ее проговорить «Баа-ран ты!». Потом еще раз кликал по ней, чтобы она взорвалась. Отец зашел в комнату и сказал, что мы должны подняться на второй этаж.

У Джейми был несохранный опыт, и он не хотел прекращать игру.

— Еще минутку, — ответил он, замахиваясь на очередного пиксельного орка.

Отец мягко взял его за руку.

— Идем, — повторил он, произнося плавные, округлые гласные со своим британским акцентом, несколько

поистершимся после более чем двадцати лет жизни в Калифорнии.

— Да подожди же ты!.. — и Джейми вывернулся, дернув плечом.

После того как брат сохранил игру, мы пошли вслед за отцом вверх по застеленной серым ковровином лестнице в мамину спальню. Я не сразу осознала увиденное, хотя представляла это много раз.

Она лежала все там же, где лежала не один месяц, на больничной койке, которую мы установили в ее комнате. Дождь барабанил в окна. Я медленно вытянула вперед руку. Я не испугалась, но более подходящего слова, чем испуг, не подберу. Прикоснуться к ней сейчас значило прикоснуться к тайне. Она еще не была холодной, хотя источник тепла исчез. Оставшееся было эхом, отзвуком. Словно воспоминание об ожоге. Я посмотрела на Джейми, и меня словно ударили под дых. Он опустился на колени перед койкой и, протянув руки, стал касаться разных частей ее тела — ногí, рукí, щекí — словно что-то искал. Потом мягко оттянул кверху одно ее веко.

— Ты пытаешься сделать что-то, чтобы она выглядела более живой? — спросила я.

Брат покачал головой, прижался щекой к ее животу и зарыдал. Я не плакала. Я делала это не один год, а теперь, казалось, иссохла изнутри. Какая-то часть меня ощущала облегчение. Я так устала бояться!

Отец поднял тело матери и на руках отнес в свою спальню, ту, которая раньше была их общей, чтобы в этой убрать капельницы и другое медицинское оборудование. Я поразилась его физической силе: никогда не видела, чтобы он носил ее на руках, пока она была жива. Теперь женщины из нашей семьи омоют и оденут тело.

Мама рассказывала, как это будет. Это ритуал, который она исполнила для своей матери и просила впоследствии исполнить для нее. Сестра мамы, Антуанетта, кузина Сэнди и их подруга Собонфу позвали меня в комнату. Так в свои одиннадцать лет, включенная в их круг, я узнала, что я женщина.

Мы сняли с мамы просторную футболку с прорезью на спине. К этому времени она носила только такие — их легко натягивать и снимать, не садясь. На этой была картинка: утка, приклеенная к стене клейкой лентой, и надпись: *Дактейп*¹. Она лежала на постели, обнаженная, похожая не столько на мою мать, сколько на летопись того, что с ней делали. Левая грудь была изуродована длинным горизонтальным шрамом, сосок отсутствовал. Еще один длинный шрам спускался вдоль позвоночника — след хирургической операции для восстановления сломанной спины. Пластиковый медицинский порт выпирал маленьким холмиком под кожей грудной клетки. Лицо и тело отекали от стероидов. Волосы были короткими — результат последнего раунда химиотерапии, — и едва заметные шрамики виднелись на лбу, где некогда в череп ввинчивался металлический обод для лечения рака, который распространился в ее мозг. Как дорожная карта, подумалось мне. Только я не знала место назначения.

Кто-то наполнил водой таз. Мы макали в него тряпки и обтирали ее кожу. Теперь она стала холоднее, теряя тепло с каждой минутой. Я поборола импульсивное желание прикрыть ее, лечь сверху, — хоть ненадолго сохра-

¹ Игра слов: армированная клейкая лента (*duct tape*) и «утиная лента» (*duck tape*) звучат одинаково.

нить это тепло. Время мчалось стремительно. Оно утекало между пальцами, точно вода, как бы я ни старалась растянуть секунды.

Я заметила на ее груди родинку и постаралась точно запомнить форму и расположение. Заметила легкие растяжки, наметившиеся вокруг груди и живота, оставшиеся на память от двух беременностей. Заметила легкую ребристость ногтей и глубокие линии на ладонях — и пожалела, что не умею их читать. Может, они рассказывали историю с другим концом. Светящийся зеленый дисплей цифрового будильника зацепился за мой взгляд: было десять вечера среды. Мы в это время должны были смотреть «Звездный путь».

Мать была худощавой темноволосой девочкой-подростком, когда по телевизору впервые показывали оригинальный сериал «Звездный путь». Мне представляется, что, как и многие девочки ее возраста, она была слегка влюблена в капитана Кирка, которого играл молодой Уильям Шетнер. Когда в конце восьмидесятых на экраны вышел сиквел сериала, «Следующее поколение», наша семья смотрела его с прямо-таки религиозным рвением. Сколько я себя помню, мы вчетвером усаживались на потертый коричневый диван из искусственной кожи, когда слова «космос, последняя граница», произносимые шекспировским баритоном Патрика Стюарта, рокотали из черного валуна нашего телевизора. Эти слова подавали сигнал, что весь следующий час я буду благополучно окружена своей семьей. Моим любимым персонажем сериала была корабельный советник Дианна Трой, и я мечтала, что однажды моя прямая грязноваторусая челка трансформируется в ее великолепную копну полночно-черных кудрей.